

МУХАММЕД ЗАФЗАФ

Женщина и роза

ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ

Мухаммед Зафзаф

Женщина и роза.
Повесть и рассказы

«Издательские решения»

Зафзаф М.

Женщина и роза. Повесть и рассказы / М. Зафзаф —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504151-7

Начиная с публикации первых романов «Женщина и роза» (1972) и «Тротуары и стены» (1974), М. Зафзаф стремится к психологическому анализу поведения героев своих произведений — студентов университетов, безработных интеллектуалов, отражая трагический опыт целого поколения марокканской молодежи, потерянного, обманутого в своих ожиданиях найти свое место в жизни после обретения страной независимости. Попытка обрести лучшую долю в Европе оборачивается крахом.

ISBN 978-5-00-504151-7

© Зафзаф М.
© Издательские решения

Содержание

ЖЕНЩИНА И РОЗА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Женщина и роза

Повесть и рассказы

Мухаммед Зафзаф

Переводчик Ольга Власова

Художник Мухаммед Аль-Касими

© Мухаммед Зафзаф, 2019

© Ольга Власова, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-4151-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МУХАММЕД ЗАФЗАФ (МАРОККО)

**ЖЕНЩИНА И РОЗА.
ПОВЕСТЬ И РАССКАЗЫ**

ПЕРЕВОД С АРАБСКОГО О. ВЛАСОВОЙ

ЖЕНЩИНА И РОЗА ПОВЕСТЬ

*Между мной и душой моей —
сад камней,
смоковницы, копыя, мяуканье кошек,
расстояния, мычанье быков.*

*Между мной и душой моей —
мир арабов,
журналов, карт, о, мой Боже!
«Я не могу говорить»*

*Я прибегаю к помощи королевских обрядов,
чтобы приоткрыть щель своих инстинктов,
чтобы разменять чек без капитала
и построить небоскреб
в моих мечтах,
чтоб упасть в пустыню садов,
о, мой Боже!
«Я не могу говорить»*

Один мой знакомый-нувориш когда-то, давным-давно, рассказывал мне такую историю: «Пришло время сколачивать капитал. И не пытайся подражать несмышленным юнцам, которые вопят призывы, далекие от здравого смысла. Говорю тебе: мы в Европе чувствуем себя настоящими счастливыми — не то, что здесь, в Касабланке. Здесь нами управляет белое меньшинство авантюристов, сводников и торговцев своими же женщинами. Они создают фирмы, выкачивают из них целые состояния и гонят нас из кафе и баров, швейцар или официант широко распахивает дверь перед клиентом-европейцем, а, встав у тебя на пути, он не скажет: «Вход воспрещен», а так вежливо выдавит из себя: «Извините, все заказано». Вот и получается, что ни тебе, ни мне нет места здесь, в этом большом городе, если только у тебя не белоснежная кожа, и ты не говоришь по-французски свободно, как парижанин. А если ты позовешь на помощь полицейского, то он еще, пожалуй, огреет тебя по башке и отведет в участок, чтобы ты понюхал, чем воняет грязь и дерьмо. Да еще, может, заставит тебя отмывать камеру от пьяной блевотины, и все потому, что полицейские — глупцы и невежды, приехавшие сюда из глухой деревни. Перебрались из одного места, где ходили за овцами и верблюдами, в другое, где смотрят теперь за народом, пиная и унижая его всяческим образом. Послушай меня хорошенько! Я не бунтарь и вообще далек от этого. Я просто попытаюсь растолковать тебе, почему я так возлюбил Европу. Я знаю ее так, как квартал, в котором вырос. Не думай, что я дряхлый старик; мне столько же, сколько и тебе. Ну, сколько ты мне дашь? Ах! Не знаешь? Ну, так мне тридцать. Тридцать годков. Я многое повидал. И никогда не соглашусь гнуть спину здесь, в Касабланке, сколько бы мне не посулили, пусть даже тысячу дирхам. Потому что здесь я чувствую, как теряю свой человеческий облик. А вот там ты можешь стать, кем хочешь: королем, императором. Всем, чем хочешь! Там ты сам решаешь, что тебе угодно, а что — нет. И никто не решает за тебя, как это происходит здесь. Ну вот, теперь ты понимаешь меня? Понимаешь, да? Спасибо. Тогда слушай, что я тебе скажу. Я-то пожил здесь и думал тогда, что мир — это то, что я вижу вокруг себя утром и вечером. Но правда не в том. Однажды я остановился на бульваре в Танжере, и внутренний голос сказал мне, что те земли, которые виднеются совсем рядом, за синим морем, и есть волшебный прекрасный мир. Я интуитивно

пришел к этому, даже еще не ступая на ту землю. Я не хочу рассказывать тебе о своей жизни. И о том, как я стал жить в Европе. Нет. Не хочу. Просто расскажу тебе немного о том, что меня огорчает. Здесь они все поглядывают на тебя свысока. Каждый из них мнит себя богом. А поговорить с ним – глупец и невежда, даже газет не читает. Когда он смотрит на тебя, ты пугаешься его взгляда, будто он такой важный человек, который вершит судьбы наций. Человек в Европе – полная противоположность этому. Я не хочу говорить тебе о европейской культуре, сравнивать тех и этих. Я только хочу сказать тебе, что люблю Европу. Говорю тебе это не потому, что нашел в тебе единомышленника. Я уже сказал тебе, что хорошо ее знаю, я, если ты любишь приключения, то Европа – самое благодатное место для этого. Здесь ты не можешь украсть даже курицу. А там ты легко можешь заполучить документ эксперта «Общего рынка» и разъезжать с ним по всей Европе, возить с собой какие хочешь драгоценности и наркотики, с легкостью продавать их и возвращаться сюда, чтобы посмеяться над миром и над этими подлыми заносчивыми невеждами. А если они начнут цепляться к тебе, то ты сможешь подкупить одного на них, и он запросто избавит тебя от них.

Скажи мне, ты все еще покуливаешь травку? Все еще ловишь кайф? Ах, друг мой! Анаша – вещь прекрасная, что и говорить! Но скажу тебе одну истину: погубит она весь народ! Люди все больше увлекаются этим, чтобы забыть обо всех своих проблемах, больших и малых. Да? Что? Неверно, говоришь? А я вот утверждаю обратное. Вся молодежь балуется наркотиками. Даже в семьях этим грешат, что еще опасней. Они употребляют и гашиш. А ты знаешь, что гашиш страшнее анаши. Женщины употребляют гашиш, мужчины курят сабзу. Походи, посмотри, если хочешь, увидишь самые разные раскрашенные трубки и трубочки на любой вкус во всех витринах и у всех бродячих торговцев. Как же после этого, дружище, ты можешь говорить, что молодежь не курит травку? Ты – просто мечтатель, а я не хочу быть таким».

Сказав это, мой собеседник-нубуриш неожиданно упал на землю. Я попытался выяснить, что же с ним приключилось, и увидел, что он поскользнулся на апельсиновой корке (обычно ноги скользят только на банановой кожуре). С ним все было в порядке, и он продолжил свою речь: «Извини, что упал. Чего только не бывает, помимо воли человека. Вернемся к нашему разговору: итак, я оказался в Европе, в самом Амстердаме. Я провел там четыре года и жил там так, как живут только короли и императоры. Думаешь, я работал руками? Нет, ничего подобного. Четыре года я ничего не делал. Ел, пил, шикарно одевался, спал с красотками. Ты, наверное, спрашиваешь себя, как мне это удавалось? Ответ банально прост. Скажу тебе, здесь нет никакой тайны. Мы переправили гашиш из Австрии. Его посылал нам один итальянец, который живет там, а тот, в свою очередь, получал его из Бейрута. Я не какой-нибудь ушлый торговец или аферист. Я только хотел прожить своим потом и кровью ту жизнь, которой я никогда не жил. Ты считаешь, что люди здесь живут? Нет, они умирают. Я говорю тебе правду: ни хлебом единым жив человек. Там же есть нечто другое, что непременно должен познать каждый. Почему так происходит: кто-то женится и за всю жизнь ему не дано по-настоящему насладиться женщиной, например? Почему женщина выходит замуж и за всю свою жизнь так и не узнает, что такое настоящий мужчина? Это бесчеловечно. Это и было моей целью. Днем я продаю партию или две наркотика, а ночь провожу в ночном клубе, где спускаю почти все. Танцую там со всеми девицами, а потом иду спать с той, которая последней окажется в моих объятиях. Разве ты не думаешь так, как я, что это самая прекрасная жизнь, какую только может пожелать для себя человек? Зачем человек выдумывает мораль, желая отбросить и отвергнуть ее. Называй меня, как хочешь, но я уверен, что любой из этого сброда, который ты видишь перед собой, желает делать так же, как я. Не страшатся же они Бога, не совестятся, когда убивают, врут или закладывают душу дьяволу. Любой из них, стоит только ему увидеть женщину, забывает обо всем, что творится вокруг. Единственная его цель – это трахать и трахать ее до потери сознания. Но уж он не даст спуску своей жене, если та, не дай бог, переспит с парикмахером, что живет этажом ниже, или с булочником, который приносит ей хлеб, или с молоч-

ником, да вообще с кем угодно, у кого еще стоит. Не считаешь ли ты их, как и я, глупцами и идиотами? Говоришь, что я слишком суров? Тогда прошу прощения. Ты спросил меня о моей жизни, вот я тебе и отвечаю. Я не особенно умею говорить о подобных вещах. Но все же мне хочется вывести несколько правил, которые прямо касаются тебя. Ты проводишь свою молодость в могиле. Ты когда-нибудь видел могилу, со всех сторон окруженную водой? Это и есть та огромная карта, которую ты видишь перед собой. Ты спрашиваешь меня, скопил ли я большое богатство? Не скажу, что большое. Но живу, как человек, по крайней мере. Моя жена заправляет делами в магазине, где продается кофе. Это – наша собственность. Разве этого недостаточно? При том что я вообще не работаю, ни к чему не прилагаю рук. Как ты думаешь, чем бы я был, если бы остался здесь? Не знаешь? Дай-ка я отвечу тебе сам. Я бы превратился в живой труп, питался бы червями на одной их улиц этого города. Но я, несмотря ни на что, постарался быть человеком. Я усвоил некоторый опыт, который сделал меня зрелым. Ты не считаешь, что за морем есть мужчины? Тот, кто говорит, что там нет мужчин, – подлый обманщик и заслуживает хорошей оплеухи. Вот такой! (Он махнул рукой в воздухе, нанося воображаемую пощечину). Именно Европа породила настоящих мужчин и еще будет порождать. Женщина там равна здешнему мужчине. Оставь эти разговоры про отчужденность, одиночество, о которых рассказывают те, кто сражался за Францию против Германии и освобождал Париж. Те марокканцы на самом деле сами были диковаты, сторонились людей. Если хочешь доказательства, то вот оно: эти дикари лишали невинности, брали силой двенадцатилетних девочек и считали это за доблесть. Какая же это доблесть, дружище? Ты останавливаешься перед маленькой девочкой – будто женщины начисто лишены всяких чувств в этом брэнном мире – и берешь ее силой. Разве это доблесть? Вместе с тем они здесь рассуждают о своем особом мире – мире мужчин. Но где же их мужская гордость, когда они посылают в дома к этой горстке европейцев, живущих здесь, своих жен и дочерей, чтобы те чистили им обувь, стирали им исподнее, которое брезгают стирать их собственные женщины. Они считают это в порядке вещей. Однако, стоит заговорить с любимым из них, и он тебе, напыжившись, скажет, что он – мужчина. Прошу, извини меня. Ты говоришь, что я слишком суров к ним. Не стану больше повторяться. Но все же, дай мне закончить этот разговор. Знаешь, дружище (кашляет), со мной произошел один курьезный случай. Меня схватили в Амстердаме и посадили в тюрьму, я провел там шесть месяцев. А когда вышел из тюрьмы, у меня отобрали заграничный паспорт и отправили сюда. Они сочли, что окончательно обрекли меня на прозябание здесь. (Смеется). Не думаешь ли ты, как и я, что они слишком наивны. Догадайся-ка, что произошло дальше? Я немедленно вернулся через Себту. Прodelав это так просто, будто съел шоколадку. Проблема посложней была на испано-французской границе. Без паспорта-то, как пересечешь границу? Я всю дорогу думал об этом. Мне ничего не оставалось, как купить карту района около Андея. Итак, дружище, я прошагал пешком восемь километров. А потом обнаружил, что граница уже позади и что я обошел всех пограничников. Потом я исходил всю Францию вдоль и поперек. А оттуда – в Амстердам. Человек должен быть очень смелым. Если ты смел и отважен, то сможешь обвести всю Европу вокруг пальца. А потом? Спрашиваешь, что произошло после? А ничего. Дела шли просто. Дал взятку одному мелкому клерку и получил новый паспорт, поменял в нем свое засвеченное имя. Главное, что я был известен в Амстердаме, Париже и Брюсселе лишь под именем Джо. Как тебе? Правда, замечательное имя? Жена прозвала меня так, я и сохранил это имя и был известен только под ним. Если приедешь туда, заходи ко мне. Найдешь меня в Амстердаме, помогу тебе в любом деле. Надо думать о своем будущем. У такого парня, как ты, да еще с такими идеями здесь нет никакого будущего. Ни в Касабланке, ни в каком-либо другом уголке всего этого счастливого королевства. Советую тебе по-дружески: рискни. Не бойся. Будь смелей»

Когда мы добрались до площади Султанская Гавань, мой собеседник умолк. Он стал ози-раться вокруг, глядя на кафе, будто искал глазами кого-то. Закашлялся и сплюнул на землю. Отошел от меня на два шага, потом сказал: «Надеюсь увидеть тебя вечером? Ты где будешь?» Я

подробно объяснил ему, и он попрощался со мной. И с того дня я больше не видел этого приятеля. Возможно, он был в Амстердаме, Париже, Брюсселе или Штутгарте, кто знает? Исчез, и была надежда встретить его только через несколько лет. Но все же я был твердо уверен в одном: это он вселил в меня новый дух, чтобы я был доволен собой.

* * *

Я почувствовал боль, которая взялась неизвестно откуда, да я и не пытался понять. Расслабившись, я сидел на стуле и пытался заказать что-нибудь еще, кроме крепкого черного кофе. Порой мне кажется, что кофе становится просто какой-то манией, нервы мои на пределе, и я вот-вот взорвусь. Я готов взорваться против самого себя и всего, что вокруг. Поэтому на сей раз я должен заказать что-то нейтральное, если не успокоительное. Я подозвал гарсона, который принес пиво, я тут же выпил его и почувствовал, как среди этой духоты по телу разливается приятный покой и тепло. Нервы больше не казались мне натянутыми струнами, как раньше. Но на самом деле я ощущал, что впустую убиваю свое время. Вместо того, чтобы спуститься к морю или укрыться у себя в комнате в отеле, я выставлял себя напоказ перед редкими прохожими, которые лениво двигались мимо кафе. То же самое я делал и в предыдущие дни, даже в компании с одной немкой, с которой познакомился в ночном клубе «Пейперз». Она ходила на пляж одна, чтобы купаться и менять свою белую кожу на другую, похожую на мою. Она сказала, показав на мою руку:

– Хочу, чтобы моя кожа стала такой, как это.

Под «этим» она подразумевала мою кожу. Сказав так, она схватила меня за волосы на моей руке и потянула так сильно, что меня словно тряхнуло током. Я вздрогнул и сказал:

– Ой, что ты делаешь?

– Я хочу, чтобы моя кожа стала такой, как твоя, а потом мы сфотографируемся вместе.

Однако эта девушка, которая так и не стала такого же цвета, как я, и так и не сфотографировалась со мной, окончательно исчезла, потому что отпуск ее кончился, и она вернулась, чтобы продолжать свою секретарскую работу в одной из крупных компаний ФРГ. Я не ходил с ней на пляж, она ходила одна и иногда возвращалась с каким-нибудь новым знакомым, представляла его мне, потом обнимала и целовала меня перед ним и говорила ему: «Чао!» В этот момент я чувствовал какую-то вину. Что я, старик или калека, который пытается спрятать свое увечье от людей? Нет, физически я не был калекой, а вот душой... Я представлял себе свое тело – тщедушное, слабое, изголодавшееся. Но все оказывалось наоборот: именно такое и было в моде этим летом. Худоба была в моде. Вместе с тем сам я не решался спускаться на пляж, как эти люди, приехавшие со всех концов света. Ты слышишь вокруг себя все языки и уже не различаешь, какой это язык. Познакомиться можно, объясняясь жестами, мимикой.

Когда я почувствовал, что несколько расслабился, то стал прислушиваться к музыке, доносящейся из кафе и наслаждаться ей. Я стал выстукивать ногами достаточно посредственную мелодию, не имеющую ничего общего с этой английской песней, родившейся из *jockbox*. Мелодия была знакома мне, но я никак не мог ее уловить. Среди этой жары музыка казалась ужасной, громоподобной. Мне нестерпимо захотелось танцевать. Действительно, в кафе какая-то довольно потасканного вида женщина танцевала с молодым испанцем. Танец ей никак не удавался, поэтому она вернулась за свой столик, заставленный разнокалиберными пивными бутылками. Гарсон все никак не мог убрать их со стола. Испанец продолжал танцевать один, делая при этом какие-то женоподобные движения, явно провоцируя ту старуху, которая, судя по всему, имела склонность к лесбиянству. А, может, она – его мать? Или его возлюбленная? Не знаю. Можно было предположить все, что угодно. Ко мне вернулась уверенность в себе. Я достал из кармана сигарету. Пачка кончилась, еще немного, и мне придется покупать новую. Тяжелый случай. Каждую минуту – пачка сигарет, пиво, кофе и т. д. Я подозвал гарсона, и он

поставил передо мной еще одно пиво. Я стал с наслаждением потягивать его. Воздух был спокоен, неподвижен, и я ничего не замечал вокруг. Я долго ждал Сюз, которая должна была присоединиться ко мне. Вчера я в первый раз встретил ее. В этой встрече не было ничего удивительного, но все же она была довольно любопытной. Я оставил Алена и Жоржа в маленьком тесном кафе, что у поворота к морю. Было так же жарко, как и сейчас. Я хотел немного подышать воздухом, потому что ноги мои, тело и голова, – все во мне отяжелело, и нарастало раздражение. Раздражение это было еще сильнее, чем то, что я испытываю теперь. Я повернул в сторону моря и подумал, что, пожалуй, стоит раздеться, не доходя до пляжа. Под брюками у меня были надеты плавки. Но все же я подумал: «Нет, стыдно... Неловко...». Другие же и думать не думали про этот стыд, который мучил меня. Женщины шли, выставляя себя напоказ в прозрачных бикини, через которые во всех подробностях можно было увидеть все их прелести. Настоящие мужчины и лжемужчины тоже не комплексовали. Никто не думал про стыд. Но стыд этот сидел во мне. Я только вообразил его себе, вбил себе в голову, но очень страдал от этого. Позавчера я видел юношу, который сделал так, как сейчас намеревался поступить я сам: он уединился в уголке и снял брюки и рубашку. Он свернул их, сунул под мышку и направился в сторону моря. Он был без ботинок. И это значительно облегчало ему дело. Меня же охватывало какое-то нечеловеческое чувство при одной только мысли о том, что я могу сделать так же. Позавчера, увидев это, я порадовался в душе, сказав себе: «Вот этот парень мне нравится, сам себе хозяин. Никаких предрассудков, вообще никаких!» Я перехватил его безучастный, безразличный взгляд, скользнувший по мне. Потом он подошел к витрине и, глядя в стекло, пригладил свои светлые взъерошенные волосы: сначала рукой, а потом, не удовлетворившись этим, взял свои брюки и, пошарив в карманах, вытащил расческу и стал причесываться, ни на кого не обращая внимания. Я перестал наблюдать за парнем и направился в сторону моря. На пляже люди, лишённые своей одежды, показались мне ничем, мне подумалось: «Почему они не делают этого в своей повседневной жизни, почему бы человеку не раздеваться каждый раз, когда он чувствует, что ему жарко?» Немного спустя, поразмыслив, я прибавил про себя: «Все же это не одно и то же: море – это одно, а прочая жизнь – другое, там есть контролеры. Человек ничего не может сделать по собственной воле, даже раздеться». Я искренне пожалел людей, хотя, на самом деле, жалел-то я самого себя. Почему бы мне не сделать так, как они, и не отдохнуть? Ах, ведь в мире есть люди, похожие на меня. И их много. Я вспомнил, к примеру, двух своих приятелей-французов, Алена и Жоржа. Я никогда не видел, чтобы они снимали с себя одежду, хотя у обоих были великолепные фигуры. Так я продолжал стоять, потом разглядел каменную лестницу, которая вела вниз, на пляж, длинную, тоскливую лестницу. Я решил вернуться и забрать с собой вниз Жоржа и Алена. Чтобы посмотреть, можно ли искупаться и есть ли там свободное место.

Я снова вернулся к повороту. И вот тут мой взгляд встретился с взглядом Сюз. Она смотрела из-под своих больших солнечных очков. И стала смотреть, смотреть. Я обратил на нее внимание. Она смотрела на меня, повернувшись мне вслед. Я остановился. Она смотрела, не отрываясь. Я махнул рукой, она на секунду замерла, а потом подошла.

– Привет, ты – англичанка?

– Нет.

– Выпьешь что-нибудь?

– Да.

Мы пошли рядом. Я улыбнулся. Для меня это не было банальным приключением. Воздух неподвижен, и девушки томятся, как мотыльки в поле, когда никто их не ловит. Я взял ее за руку. Она вздрогнула, потом расслабила руку, которая тут же вспотела в моей ладони. Я тоже вздрогнул, мы ничего не говорили друг другу. Но мое первое волнение понемногу проходило. Я увидел парня, который вышел из-за поворота, неся под мышкой сверток со своей одеждой. Он спустился на пляж и чем-то привлек мое внимание, Сюз при этом даже и не взглянула

на него. Для нее это было совершенно обычным. Сильно разволновавшись, я вытащил пачку сигарет «Салтас». Протянул ей:

– Куришь?

– Да. Но только не на улице. Врач говорит, что одна сигарета, выкуренная на улице, равна сотне. Ты тоже должен быть осторожней.

Я не обратил внимания на ее слова, а, может быть, просто не понял, что она сказала. Я покачал головой и глубоко затынулся. Попытался вдохнуть полной грудью этот холодный чистый воздух. И все же он не был абсолютно чистым. Ни в чем нельзя быть полностью уверенным.

Сюз спросила:

– Куда пойдем? Может, выпьем здесь?

– Нет, два моих приятеля-француза ждут меня наверху, – сказал я.

– Где?

– Там, наверху.

– Хорошо, пойдем к ним.

Я кивнул и отвернулся. Когда мы остановились у дверей кафе, я бросил так и не докуренную сигарету. Поискал глазами за столиками кафе, которое представляло собой нечто вроде крытой галереи с двумя дверями. Одна дверь – обычная, а к другой надо было подниматься по лестнице.

– Где? Здесь? – спросила Сюз.

– Да. Но они исчезли.

– Может быть, ушли?

– Конечно, ушли. Но это не помешает нам выпить что-нибудь. Заходи.

Мы присели за столик в углу и заказали две бутылки «Кока-колы». И тут я впервые хорошо разглядел лицо Сюз. Она посмотрела мне в лицо, в глаза. И я тоже посмотрел ей в глаза. Мы продолжали молчать, временами обмениваясь взглядами. Потом стали говорить с подчеркнутой любезностью. Чуть позже она попрощалась, и мы расстались, договорившись встретиться сегодня. Вчера она ездила встречать своего брата и его подругу...

...Выпив две бутылки пива, я окончательно расслабился и стал думать о том, что придет Сюз. Позавчера я не успел толком познакомиться с ней, но все же она показалась мне доброй и симпатичной. Она немного опаздывала, поэтому я закурил еще одну сигарету. Из кафе по-прежнему доносилась музыка, и все тот же юноша-испанец соблазнял своим танцем старуху. А у той на столе пустые пивные бутылки продолжали сменяться полными. Я пошарил у себя в кармане. Мне хотелось вывернуть все содержимое своих карманов в обмен на спасение своей души. Это происходило от самоедства. Все же карман и был сильней души. Именно карман решал мою судьбу. Скажу без преувеличения: именно карман придает смысл человеческой жизни. Более того, карман – это и благородство, и уважение, и положение, и моральный дух. Не хочу преувеличивать, но все же люди недопонимают друг друга в постижении истины. Эти «особые» надуманные высокие нравственные принципы существуют только в книгах, ну, скажем, такие как «Благороден тот, кто благороден душой» или «Мудрец – тот, кто преодолел фальшь этого брэнного мира». Эти слова годятся теперь для того, чтобы выставлять их в музеях, где люди смогут полюбоваться на них, если у них найдется хоть немного времени, чтобы прочесть их (как никак это – продукт человеческого разума, разума людей, живших давным-давно). Действительно, эти древние изречения были произнесены в незапамятные времена, когда человек еще не ездил на пляж в «Ролс-Ройсе» и не отправлялся на дискотеку на «Мерседесе». Жизнь предъявляет много требований, а когда человек не отвечает им, его ждет музей или сумасшедший дом. Там он сможет рассказывать о чьей-то чужой, а не о своей жизни.

Пошарив у себя в кармане, я не нашел ничего, что могло бы придать мне еще больше достоинства. Стало быть, достоинство мое ограничено, я не смогу двигаться, если не будет двигаться рука у меня в кармане. Я окинул взглядом кафе. И снова взгляд мой остановился на юноше-испанце, который все больше и больше привлекал к себе внимание. Но еще больше привлекала внимание старуха. Эта сцена лесбиянства в своем смешении красок походила теперь на абстрактную картину. Смех старухи был каким-то утробным, животным. Мне показалось, что голос ее похож на крик обезьяны. Кое-кто из клиентов подбадривал юношу восторженными криками, прихлопывая в ладоши, но все они пили за ее счет. А старуха подняла руку и на виду у всех стала тыкать пальцем в свой золотой браслет. Она покупала их, соблазняла их, требовала к себе еще большего почтения. За какие-то гроши! Ей это ничего не стоило. Одна-две бутылки пива, и уважение приходит, точно собака, униженно поджав хвост.

Я поменял положение, вытянул ноги под столом, звякнули пустые бутылки. Я увидел поезд, который шел через Торремолинос, поезд дальнего следования без обычного паровозного свистка. Я услышал громкий шум. Потом поезд остановился вдалеке, и из него вышли несколько пассажиров, неся в руках пляжные полотенца и зонтики от солнца. Мне подумалось: «Даже в такую погоду купаются. Странно!» А минуту спустя мне подумалось: «Ничего странного. Полдень. Жара». На самом деле было очень жарко. Я встал, стряхнув с себя воображаемую пыль, и ушел, не оставив чаевых, «бакшиш», как говорят египтяне. Я не знал, чем заняться. Сюз все не приходила. Я остановился у железнодорожной насыпи, постоял в раздумье и пошел дальше. Потом как-то незаметно для себя я оказался у поворота дороги, ведущей на пляж. Уже кое-где над витринами поднимали жалюзи. Открыл свои двери и магазин, который находился как раз на пути тех, кто поднимался с нижнего пляжа. На самом деле все происходило не столько для идущих с пляжа, сколько было подготовкой к тому необычному вечернему оживлению, которое царило здесь каждый день. Я шел медленно. Сунул правую руку в карман, достал «Салтас», чтобы закурить, но тут вспомнил слова Сюз: «Врач говорит, что одна сигарета, выкуренная на улице, равна сотне. Ты тоже должен быть осторожней». Но я никогда не осторожничал. Зажег сигарету и стал нарочито глубоко затягиваться, впуская в грудь и воздух, и дым, и все остальное с явным удовольствием и упрямством...

...Нас овеял легкий ветерок, я расстегнул рубашку, и Сюз сделала то же самое, в вырезе рубахи показались ее большие груди. Она положила руку мне на пояс и обняла меня так сильно, что я едва мог дышать. Мы медленно шли в толпе. Немногие делали так, как мы: обнимали друг друга крепко, крепко, крепко, крепко у всех на виду. (Потом я узнаю, что для нее это значило лишь не упустить случай, который потом мог бы никогда не повториться). Мы шли медленно. И никто не обращал на нас ни малейшего внимания. Они даже не уступали нам дороги (это и не входит в правила игры, подумалось мне потом). Мы наталкивались на чьи-то плечи, говорили «простите!» с холодной заученной улыбкой, которая заготовлена у каждого из нас для этой цели и для подобных случаев. Мы шли и сами не знали, зачем? Куда? (Это и не обязательно). Мы ничего не говорили. Иногда смотрели друг другу в глаза, и она еще крепче обнимала меня (потому что этот случай мог бы никогда не повториться), и я уже ничего не мог сделать сам. И не знал, почему. Что-то сломалось внутри меня и мешало мне. Кроме того, и это самое главное, я не чувствовал в себе никакого желания. Ах, боже ты мой! Когда это у меня было желание хоть в чем-нибудь? Вот он, секрет этой порчи, этого слома: я ничего не хочу и ничему не отдаю предпочтения. Я только живу и равнодушно подвожу подо всем черту. (Случилось – не случилось, неважно! Все возможно, и все невозможно).

Я повернулся лицом к Сюз, она взглянула в него и поцеловала меня в щеку. Я не знал, что сказать, но в конце концов нашелся:

- Сколько народу! – сказал я. Она ответила, ласково улыбаясь:
- Да. Я в первый раз в Тори. Но представляла себе это.

- Я лично думал, что людей здесь еще больше.
- И этого достаточно. Жара и вся эта толпа – очень утомительно!
- Да, и вправду утомительно!

Мы замолчали. А она еще крепче обняла меня за пояс. Когда я не ответил ей тем же, она немного отстранилась, взяла мою руку и положила ее к себе на талию. В этот момент я понял, что она хотела этим сказать. Рука моя неподвижно лежала у нее на талии. Потом под одеждой я почувствовал тело, теплое, жаждущее трепета и живительной дрожи. Я пропустил ткань ее одежды между своими пальцами. Она вздрогнула и... согласилась спуститься вниз по склону. Мы спускались по склону. Потом Сюз остановилась у витрины и стала разглядывать разные безделушки, традиционные сувениры. Мы увидели небольшую фигурку Дон Кихота из черного дерева.

- Ах, великолепно, – сказала она. – Дон Кихот из Ламанчи.
- Да.
- На своей лошади.
- Да.

Она стала смотреть, нагнувшись к витрине так близко, что ее очки коснулись стекла витрины. Потом она выпрямилась и сказала, показывая пальцем:

- Здорово, правда? А как звали его лошадь?
- Чью лошадь?
- Дон Кихота.
- А кто такой Дон Кихот?
- Дон Кихот из Ламанчи... Из Ламанчи Дон Кихот... Лошадь Дон Кихота.
- Кто это из Ламанчи Дон Кихот? Лошадь Дон Ламанча из Кихота... Лошадь?
- Дон Кихот – лошадь?
- Ах, да. Не знаю.
- Я куплю себе ее завтра.
- Конечно.

Мы продолжали спускаться по склону. Остановились перед отелем. Наше внимание привлекли трое юношей с национальными музыкальными инструментами в руках в костюмах тореадоров. Вокруг них на площади собралась публика. Один из них стал кружиться, наигрывая на блестящей флейте. Сюз прижалась ко мне так сильно, что ее ягодички оказались у меня между ног. Она довольно долго стояла так, повторяя: «Ах, как прекрасно, великолепно! «Найс, вэри найс!» Один из юношей запел, а на меня неожиданно напал смех, который я с трудом сдерживал. Сюз заметила это и улыбнулась, а юноша продолжал петь, кружась на одном месте, он кружился, кружился, поднимая над головой руки и размахивая ими в легком вечернем воздухе. Какая-то старуха-американка схватилась за фотоаппарат, висевший у нее на плече. Она с вождением смотрела на юношу и что-то шептала на ухо старику, который был вместе с ней. Сюз по-прежнему стояла, прижавшись ко мне ягодичками (потом я обнаружил, что она не любит делать этого в постели). И все же когда внизу живота и в коленях разливается этот жар, на тебя нападает какое-то сладкое оцепенение.

Голос зазвучал громче, круг расширился. Старуха расхохоталась, сверкнула вспышка фотоаппарата прямо в лицо музыкантам. И юноша стал кружиться, не сводя с нее глаз, а тот, что играл на флейте, запрокинул голову, будто взывал к далеким духам в ночи. Я каким-то внутренним чутьем понял, что глаза его явно сосредотачиваются на каждой сверкающей бриллиантами туристке. Круг слушателей стал еще шире, и Сюз сменила позу. Но сладостное тепло в коленях у меня осталось, исчез лишь жар внизу живота. Сзади раздался голос: «Хитанос!» – И продолжал твердить: «Цыгане, цыгане, цыгане...» Трое юношей, услышав это слово, заиграли еще азартней, я заметил на руке одного из них золотую цепочку. Потом она снова скрылась у него под рукавом. Мужчина, который кричал «хитанос!», вышел на середину круга.

И стал плясать, совершенно не попадая в такт мелодии. Он кружился на месте, стараясь подражать трем юношам. Музыка кончилась, похолодало. Один из юношей, взяв в руки блюдо из толстого стекла, стал обходить толпу. Мужчина, кричавший «хитанос», сунул руку в карман и вытащил пачку долларов. Он положил на блюдо один доллар. Юноша взял его и сунул себе в карман, освободив место для монет, сыпавшихся в блюдо. Старуха вытащила горсть монет: желтых, медных, и белых, серебряных. Положила их на блюдо и снова схватилась за фотоаппарат, музыканты выстроились в ряд и проделали несколько акробатических трюков, а старуха тем временем фотографировала их. Один из них ушел первым, за ним потянулись и двое других: они направились в кафе, чтобы продолжить там свою игру. Я взял Сюз за руку, а она извинилась перед женщиной, с которой нечаянно столкнулась.

Я дышал жадно и глубоко. Воздух был легким, а толпа вокруг все росла. Музыка доносила уже с разных улочек и из разных ночных баров. Сюз продолжала обнимать меня за пояс, и мы по-прежнему молчали. Наконец, довольно бессвязно мы заговорили друг с другом. В любом случае мы могли заполнить эту пустоту чем угодно. С наших губ срывались и парили в воздухе слова, вроде «как много людей!», «прекрасная погода!», «замечательная ночь!» и т. п... Мы шли очень медленно и постепенно удалялись от людской толпы, к тому же мы так и не слились с этой толпой. Мы были одни. И других мы видели такими же одиночками: женщин и мужчин, женщин и женщин, мужчин и мужчин. Там совсем не было детей и детей. Я случайно коснулся рукой какого-то особенно чувствительного места на теле Сюз. Она вздрогнула и сильно притянула меня к себе. Я сказал:

– Куда теперь? Там темно.

Она ответила, чуть отстранившись от меня, чтобы поправить на своем плече разноцветный холщовый мешок, служивший ей сумкой:

– И вправду темно. Но мы не пойдем далеко. Торре – маленький городок. Спустимся по каменной лестнице, посидим на скамейке. подышим немного морским воздухом.

– Где? Здесь?

– Да. Перед тем как вернуться в отель. Там, у моря, есть деревянные скамейки.

Я молча согласился, улыбнувшись в ответ. В темноте мы подошли к каменной лестнице. Во мраке я разглядел одного пьяного и какую-то компанию, жавшуюся к перилам. Еще я увидел луч света, издали освещающего пространство. Но фонари были не настолько яркими, чтобы осветить весь этот мрак, каменную лестницу и деревянные скамейки. Шум не смолкал, до нас по-прежнему доносилась музыка с вершины склона, спускавшегося к морю. Мне она представлялась так: маленькие, катящиеся по склону шарики или невидимые горошины, среди которых царит удивительная гармония, гармония, напоенная запахом, чужбины, ночи и моря. Еще мне казалось, что музыка несет в себе запах морских водорослей. Я глубоко втянул в себя воздух, словно сомневаясь в чем-то, посмотрел на Сюз, которая уже спустилась вниз. Она выбрала скамейку справа. Впрочем, выбора и не было, потому что вторая скамейка не пустовала. Я увидел юношу с густой шевелюрой и девушку, которые сидели, тесно прижавшись друг к другу, и курили, поочередно затягиваясь, одну на двоих сигарету с особым запахом.

Сюз сказала, привязывая свой мешок к спинке скамейки:

– Они, как и мы... Как и мы, эти двое.

– Послушай, как они говорят. Это – американцы, – сказал я, посмотрев на них.

– Англичане. Ты, ведь, не умеешь отличать американцев от англичан, а англичан от европейцев и т.д.? Правда?

Да, действительно, мне это не удавалось, моих познаний в английском на это не хватало. Я различал только отдельные слова. Юноша встал и ушел в темноту. Через минуту он вернулся с еще одной зажженной сигаретой с этим странным запахом.

– Наркотик! – сказала Сюз.

– Да, наркотик, я не знаю сигарет с таким запахом. Поэтому это точно наркотик, да, наркотик, потому что не существует сигарет с таким запахом, да, это – наркотик.

– Да.

Девушка с трудом поднялась со скамьи. Она была маленького роста, у нее не было ни холщового мешка, ни сумки. Юноша поднялся вверх по лестнице и остановился там, поджидая ее. Она продолжала что-то отряхивать со своих брюк. Мы услышали, как шуршит ткань ее широких расклешенных брюк. Она усердно била по ним рукой. Юноша зашагал туда, откуда доносился шум голосов. Девушка последовала за ним и окончательно исчезла из виду. Сюз потеряла к ним всякий интерес, она была занята тем, что что-то искала в своем мешке. Наконец, она достала пачку «Кэмэла» и закурила, не предлагая мне. Я сказал, точно отказываясь:

– Я предпочитаю «Салтас».

– Но они с черным фильтром, очень крепкие.

– Давай выкурим одну. Это замечательно. Ты пробовала?

– Нет.

Мы стали обмениваться сигаретами, а я все думал об этой девушке-коротышке и ее парне. Он оставил ее и ушел, даже не оглянувшись (любой может убедиться, что отношения между ними, возможно, довольно пошлые; в Касабланке, на набережной, я видел девушку, вроде этой, она вышла мне навстречу из густых кустов, что растут над бассейном, и сказала: «Дай мне два дирхама», я сказал: «У меня их нет, как и у тебя». В тот момент я сидел в темноте на каменной скамье. Еще она сказала: «Пойдем со мной». – «Без денег?» – спросил я. – «Нет». Когда она произнесла слово «нет», из кустов вышел высокий длинноволосый парень и сказал ей: «Ну, иди ко мне». Он обнял ее, и они пристроились неподалеку на соседней длинной каменной скамье. Он целовал ее, а потом улегся сверху и я услышал: бульк-бульк, бу-у-ульк, бу-у-у-ульк, я скрылся в темноте, оставив их одних).

Сюз встала и переместилась на край скамейки, раскинула руки, вычертив своим телом крест в ночи. Потом она опустила одну руку на скамью, а вторая рука ее так и осталась лежать, горизонтально вытянутая в сторону севера. Ах, боже мой, можно подумать, что я различал, где север, а где юг. Сюз поднялась и медленным шагом направилась куда-то в ночь, а я во весь рост растянулся на скамейке. Голова моя коснулась висевшего на скамейке мешка, я отстранил его рукой. Закинув ногу на ногу, я курил так много, что сигарета в моих руках сгорела почти дотла. Огонь приближался к моим губам. Сюз вернулась, встала у меня в изголовье, и снова силуэт ее в темноте вырисовывался как крест. Я сказал ей: «Оставайся так».

Она, смеясь, сделала какое-то движение и сказала:

– Нет. Как мертвый. Правда, ужасно? Ужасно, правда? Я не хочу, чтобы ты умер. Чтоб ты умер – нет, правда, ужасно, если бы ты умер.

– Нет, я не стану умирать. Стой, как стоишь. К тому же у нас мертвых кладут по-другому, не так, как у вас.

– Что ты имеешь в виду?

– Вот этот крест.

– Я не верю в бога, а у вас верят в бога?

Сказав это, она опустила руки. Я ответил, поднявшись и сев на скамейке:

– Нет, у нас не верят, да это и не обязательно. Я тоже безбожник. Я никогда в жизни не видел, что там есть в мечети. И мои родители тоже, хотя они и совершенные фанатики. Если бы они услышали, что я вот сейчас стал мусульманином, они убили бы меня.

– Фанатики, но ради чего?

– А ничего. Они не знают. Они неграмотные. Они верят в инстинкт как животные.

Сюз села и расстегнула рубашку у себя на груди. В ночи показались две ее пышные груди без бюстгалтера. Я положил руку ей на грудь, она приблизилась ко мне и поцеловала меня. Я сунул ей руку между ног и уже больше не слышал никакого шума. (Это было как

черепеха). Понемногу голоса стали звучать громче. Откуда-то до нашего слуха донесся разговор. Мы на мгновение отстранились друг от друга, хотя наши руки и ноги были переплетены между собой, и по-прежнему это была уединившаяся черепаха. Звук разговора переместился снизу вверх, слился с шумом других голосов, и мы перестали различать его. Мы превратились в мяч. Мы стали мячом, мы стали мячом, опять, снова и снова мы становились мячом, и еще раз, и еще раз мы превращались в него, и вот Сюз окончательно обмякла в моих руках. Она с ногами забралась на скамейку и велела мне освободить ей место рядом с собой. Я немножко отполз в сторону, почувствовав при этом всю жесткость скамьи. А Сюз сделала то, что проделал я минуту назад: легла на спину, вытянувшись во весь рост, положив голову мне на бедро, и согнула ноги в коленях так, что получилось два параллельных равных угла. Я положил ладонь ей на лоб, он был выпуклый и блестел в темноте как далекий свет фонаря в тумане. Я снял с нее очки. Это ей не понравилось. Она сказала: «Отдай». Но я не послушался, а попытался примерить их на себя: сначала на кончик носа, потом на губы. Мне казалось, что я выгляжу очень смешно. Я взглянул на Сюз и увидел, что она закрыла глаза и стала ровно дышать. Очень медленно и осторожно, не открывая глаз, она протянула руку. Я почувствовал прикосновение ее теплой ладони у себя под рубашкой на животе. Она дергала меня за волосы, которые длинным жгутом поднимались к груди. Она продолжала делать так, а голова ее, лежащая у меня на бедре, казалось, становилась все тяжелее. Я пошевелился и стал делать, как она. Я тоже стал делать, как она, я стал делать, как она, так же как она. Когда мы слышали чьи-то голоса, рука Сюз замерла у меня на животе, но глаза ее по-прежнему были закрыты. Компания светловолосых мужчин и женщин поднялась по каменной лестнице, они не обратили на нас никакого внимания. Потом я провел рукой по ее груди. Она опустила ноги на землю и притянула меня к себе. Когда мы снова крепко прижались друг к другу, я произнес:

– Сюз, Сю-ю-ю...

– Да, да-а-а...

– Пойдем, там, у самого подножия склона, есть овраг, на краю склона – овраг, пойдем...

Сначала она отказалась, отошла от меня и медленно направилась к каменной лестнице.

А потом, вернувшись, сказала:

– Отели под светящимися вывесками. Слабый свет. Там какой-то странный вход, как будто в сад.

Сказав это, она отошла от меня, направилась к краю оврага и «нарисовала» крест своим телом. Руки ее были разведены в стороны, горизонтально, а голова была наклонена к северу, словно напоминая чем-то. Волосы ее из-за темноты казались черными. Она сделала легкий поворот, а потом, крикнув «Хоп!», спрыгнула в овраг, а я последовал за ней, забрав со скамейки ее холщовый мешок. Это было неизбежно после той «подготовки» на скамейке. Мы сунули мешок под головы и услышали, как кое-кто из насекомых делает так, как мы. Когда я вслушивался в плеск волн рядом, мне казалось, что рыбы делают так, как мы. И когда до нас перестал доноситься шум голосов сверху, я представил, что и они там, в отелях и квартирах, делают так, как мы. Насекомые продолжали делать так, как мы, прыгая друг на друга. Вверх-вниз, вверх-вниз и т. д. Иногда насекомые умолкали, но при этом дышали как-то глубоко и странно, а иногда начинали дышать часто, жарко, стесненно. Я не знаю, что делали рыбы, особенно потому, что вода способна проникнуть в любую щель. Не знаю, как это получалось у рыб, но я был уверен, что насекомые переворачиваются, задыхаются от напряжения, а потом дышат ровно и вдыхают запах друг друга. В особом состоянии они издавали звук, свидетельствующий о разнообразии их затей. Насекомых вокруг нас становилось все больше и больше, повсюду мы слышали множество голосов – в траве, на земле, на ветвях. Это были пары и пары. Когда начинало говорить одно насекомое, другое умолкало, или они дышали вместе, или же вдыхали запах друг друга. Но насекомые не стесняли нас ни в малом, ни в большом в этом овраге (насекомые растут – множатся, их становится все больше, незаметно для тебя – они

плодятся повсюду – они существуют и у них нет другого выбора – но все же то, что они делают, приятно – очень приятно – они не стесняют нас – однако я не знаю, стесняем ли мы их -они множатся – множатся, растут числом повсюду – повсюду).

Вот так, и у Сюз есть свой особый запах, отличающийся от остальных женщин. Этот запах мягко и незаметно, легко и неосознанно проникает, проникает в поры кожи, пока не достигнет сердца и не смешается с кровью, преодолев сердечные клапаны. Этот запах проникает в тебя и остается там навсегда, животворный, бодрящий, теплый, как нечто абсолютное.

Сюз перевернулась и прошептала:

– Посмотри, какая ночь! Как красиво!

– Да.

– Послушай насекомых... Ты их слышишь?

– Да... Много голосов.

– А море?

– Тоже слышу.

– Вот здорово! Замечательно!

– Что?

– Эти звуки и всё, всё, ну, всё!

– Да, всё, всё, всё. (Молчание)

– Насекомые делают так, как мы.

– Я тоже об этом думал.

– Правда?

– Да.

– Они переворачиваются.

– Да. И переворачиваются. На земле, в траве, на ветвях.

– Какие прекрасные ночные голоса.

– Не забывай о тех криках, что наверху.

– Крики, гам?

– Да.

– Я их не слышу.

– Может быть, тебе уши засыпало землей?

– Нет. Но я стараюсь не слышать. (Молчание).

– Дай мне сигарету.

– Нет. Не кури. Говори потише.

– Почему?

– А то нас найдут здесь.

– А потом?

– Отведут в полицейский участок.

– Кто?

– Патруль.

Я спросил ее о тех, кто может найти нас так, будто ничегошеньки не знал об этой жизни. А Сюз ответила с такой поспешностью: «Патруль». Я стал говорить тише, боясь патруля. Они действительно злые. Тот человек научил их, как надо пресмыкаться перед своими шефами и хорохориться в пустынных местах перед одиночками.

.....
Прошлым летом мы с Барбарой, выйдя из «Пейперза», спустились на пляж – было четыре часа утра – мы были пьяны – и Барбара предложила мне по такой хорошей погоде закончить ночь, спустившись на пляж, проспать там до утра, встретить восход солнца, раздеться на заре и искупаться в море – может быть, мы могли бы сделать это прямо в тот же момент – то есть в четыре часа, сразу как вышли из «Пейперза» – мысль сама

по себе прекрасная – замечательная, великолепная – мы спустились в сторону севера – а когда пришли на пляж, походили немного, целуясь – остановились, тела наши ослабели, и мы упали в песок – мы почувствовали сильную усталость, и я сказал Барбаре: «Давай спать здесь» – мы спрятались среди травы – Барбара встала и побежала по траве – из ее уст вырвался какой-то животный крик, так кричат некоторые птицы – я долго искал ее, а когда так и не нашел, она появилась сама – мы легли у подножия ствола какого-то дерева – она подняла подол платья, а я снял брюки – и мы стали делать так, как сейчас – как насекомые – внезапно на нас обрушился свет карманного фонарика – она подняла голову, я поднял голову – мы увидели патрульных, которые громко хохотали – я с трудом поднялся, а Барбара продолжала лежать неподвижно, а этот подносок-патрульный светил ей своим фонариком прямо между ног – он будто обследовал что-то, чего не видел никогда в своей жизни – Барбара испугалась – патрульные потребовали у меня паспорт, но его со мной не было – они сказали мне: «Иди, принеси паспорт, а девушку оставь – я понял эту игру и поднялся вверх – я спрятался и видел, как они вдвоем стали говорить тише и погасили фонарик – потом стали упражняться на ней по очереди – после этого я больше не смог видеть Барбару.

.....

Поэтому-то я и испугался, когда Сюз сказала, что они могут найти нас. Я стал говорить тише, от страха по телу моему пробежала легкая дрожь. Сюз сказала, повернувшись на дне оврага:

- Почему ты замолчал? Прекрасная погода...
- Да, прекрасная, но все же...
- Все же, что?
- Ничего, говори потише.
- Я и так говорю негромко. Ты что, испугался?
- Нет, я совершенно не боюсь, и все же говори потише.

Мы довольно долго молчали. Насекомые тоже остановились и умолкли. И рыбы. Вода перестала просачиваться в щели на их телах. Рыбы стали легко подниматься со дна и ловить всех маленьких рыбешек, которых можно было съесть, и тех, что еще меньше. Мы слышали, что крики и шум наверху стали стихать. И разговоры где-то там, у скамеек, тоже. Я напряг слух и с трудом поднял голову. Голоса эти явно не принадлежали патрульным, эти люди были такими же, как и мы. Их голоса очень походили на голоса насекомых. Но вместе с тем и отличались.

- Сюз прикоснулась ко мне и сказала:
- Ты о чем думаешь?
- Ни о чем.
- Неправда, у тебя такой рассеянный и мечтательный вид.
- Никакой я не рассеянный, ничего подобного. Я наслаждаюсь природой.
- Она расхохоталась, а потом, подавив смех, сказала:
- Романтик! Странно, а я и не знала, что вышла погулять с романтиком.
- Никакой я не романтик.
- На тебе это просто написано.
- (Молчание).
- Давай вернемся в Тори.
- Но мы же и так здесь.
- Я хотел сказать: поднимемся вверх, туда, где шум, толпа.
- Хорошо.

Сюз прошла вперед, и мы проследовали мимо деревянных скамеек, которые были пусты. Я снова стал глубоко вдыхать воздух в этом месте, словно пытаюсь вернуть странный запах

сигареты, которую курили те двое, но напрасно. Я убедился, что это невозможно. Мы поднялись по каменной лестнице. Остановились и увидели бледный свет внизу и ослепительно-яркий наверху. Потом снова зашагали, обнявшись. Оказались среди шума и криков толпы. В это мгновение насекомые перестали насакивать друг на друга, на этот раз, начали разговаривать, подавая явные и тайные знаки. Иногда насекомые разглядывали витрины и обменивались словами восхищения, любезничали, объяснялись в любви, говорили комплименты и т. п. Насекомые перестали прыгать друг на друга, а на этот раз тоже стали разговаривать между собой. Но все же они приготовились возобновить игру. Теперь, в этот момент, насекомые, гуляя, философствуя и разглядывая все вокруг, делали это, лишь готовясь к вступлению в вечную динамичную игру, игру прыжка, жаркого учащенного дыхания и расслабления после прыжка, мы с Сюз стали двумя огромными гигантскими насекомыми. А чтобы не диссонировать с толпой, мы начали смеяться, разглядывать витрины и обмениваться мнениями по поводу вещей, выставленных там. Мы еще остановились вместе с этими насекомыми перед супермаркетом. Мы увидели, как насекомые входят туда, толкая перед собой маленькие тележки с металлическими корзинками. Они наполняют эти корзинки и идут к девушке, подстерегающей их за кассой.

Сюз сказала, превратившись в огромное гигантское насекомое:

– Зайдем в супермаркет?

– Зачем?

– Посмотрим, купим шоколада и винограда.

Мы зашли туда и сделали так, как прочие насекомые, маленькие и большие. Мы не купили ни винограда, ни шоколада. Купили пачку сушеного инжира. Сюз открыла пачку и протянула мне один очень хороший инжир. Мы стали есть прямо на улице, делая так, как они. То, что осталось в пачке, Сюз положила в свой холщовый мешок, потому что я сказал: «Мне хватит».

.....

Были годы – те, что острым ножом врезались мне в память и в душу – когда мы страдали от сильного голода и нищеты – тогда говорили, что весь мир переживает экономический кризис – однако дело было не в мире, который переживал этот кризис – а – в семье – моей семье – поэтому отец возвращался с чем попало, чем только можно было набить себе живот, порой даже с дерьмом собачьим – было трудно, почти невозможно достать хлеба – я не знал, как выглядит настоящий хлеб, на который позже не обращал никакого внимания, когда он лежал передо мной в роскошных и обычных ресторанах – мы ели все, что попало – к примеру, стебли травы – отруби пополам с лебедой – короче говоря, все, что попадалось – все, что угодно – не знаю, как это случилось отцу в тот вечер прийти домой с большим пакетом сушеного инжира, мать разложила его перед нами на циновке, мы с братьями и сестрами сгрудились вокруг него – а отец сверху наблюдал за нами – он уже переел этого инжира – и стал рыгать, как то странное животное, которое я увидел позже в парке «Львиный глаз» в Касабланке – и все же ночь была невыносимой – я с братьями и сестрами спал в лачуге на полу – а отец с матерью на скрипучей кровати делали то же, что и остальные насекомые – потом произошла эта странная вещь – эта лачуга из жестяных листов превратилась в газовую камеру – отец встал – я видел в темноте, как он делал это – делал, как насекомые – делал, как насекомые – прыгал – схватил мою сестру и велел матери зажечь керосиновую лампу, что она немедленно и исполнила – потом он схватил меня за руки и выволок меня вместе с сестрой из лачуги, рыча от злости:

– Ах вы, сукины дети!

– Но они же объелись инжира, – сказала мать.

– Если обожрались, то пусть прогуляются и подышат свежим воздухом на дворе.

– Ночь, так темно. Не оставляй их там!

– Тебя, сука, это не касается.

Мать закрыла рот, а мы вернулись домой только спустя четыре дня. потому что отец не пускал нас обратно и грозился убить.

.....

Я сказал Сюз: «Мне хватит». Она взглянула на меня, рассмеявшись тихим, невинным смехом:

– Хорошо, поедим потом. Или оставим немножко Пьеру (ее брат) и Лине (его подруга).

Потом мы подошли к ночному бару. Я спросил у Сюз, хватит ли у нее денег, чтобы нам зайти в «Пейперз». Она тут же вытащила все, что было у нее в кармане, отдала мне, чтобы я пересчитал. Потом я вытащил то, что было у меня в кармане, и тоже пересчитал. После этого я сказал Сюз:

– Ну что, зайдем?

Она задумалась, потупившись. Потом, откинув назад волосы движением головы, сказала:

– Пойдем домой. Это будет лучше, хотя бы для наших карманов. Сюз вместе с братом жила в частном доме. Она объяснила мне, когда мы входили в квартиру, что это – квартира ее отца, который работает врачом-психиатром в Дании, там на юге, и эта квартира находится в полном распоряжении любого члена семьи. «Скоро, – прибавила она, смеясь, – ты станешь одним из них, и у тебя будет право получить в свое распоряжение любую комнату». Я поблагодарил ее за это и сказал, что устал и должен отдохнуть. Я пошел и растянулся на обычной кровати. Я слышал, как она возится на кухне, гремя какой-то металлической и фарфоровой посудой. Я окликнул Сюз. Она тут же пришла и сказала, что готовит на кухне нам что-нибудь поесть. Я ощущал сильную усталость. Расслабившись, я почувствовал неповторимую тишину и покой. Протянул руку к радиоприемнику, который стоял на столике. Попытался поймать какую-нибудь спокойную музыку, но ничего не нашел. Выключил радио и расслабился. Почувствовал, что меня одолевает сон. Утром я услышал какие-то слова, кашлянул, и Сюз поняла, что я проснулся. Я встал и прошел в соседнюю комнату. Там я увидел трех человек, которые сказали мне в один голос:

– Гуд морнинг!

– Гуд морнинг!

.....

Услышав у себя за спиной свист, я обернулся. Остановился напротив кафе и стал искать глазами, откуда исходил этот звук. Я увидел, что кто-то машет мне издали. Человек сидел на каменном заборчике, отделявшем постройку от железной дороги, которая проходила через Тори. Он опустил руку, лица его не было видно, потому что его закрывали длинные волосы, падавшие ему на плечи. Трудно было сказать, когда он в последний раз был у парикмахера.

Я шел очень медленно, вконец изнуренный этой невыносимой жарой. Ветерок слегка теребил мою рубашку, расстегнутую на груди. Издали было видно, как шевелятся волосы Жоржа. Шевелятся. Шевелятся. Я спрыгнул на железнодорожное полотно и наткнулся на маленькие камешки, торчащие из земли, которые я не заметил. Когда я остановился около Жоржа, он поднял голову, зыркнув на меня одним глазом, поскольку второй был закрыт его густыми, прямыми, лоснящимися от жира волосами. Я познакомился с Жоржем и Аленом в одном из кафе, которых здесь так много. А точнее в том маленьком кафе с двумя дверями, куда в первый раз я привел Сюз. Тогда Ален первым заговорил со мной, поинтересовавшись, пересек ли я море без паспорта. Я удивился этому вопросу. А когда сказал ему, что у меня есть паспорт, то, в свою очередь, удивился он. По его мнению, получить паспорт было просто

невозможно. Но есть особые пути, чтобы пересечь пролив¹. Когда я сказал им, что не работаю, они переговорили между собой, и Жорж тут же сказал мне:

– Я тоже ничего не делаю. Будет лучше, если ты останешься с нами. По крайней мере, вид у тебя симпатичный.

Когда я остановился рядом с Жоржем, он жестом пригласил меня сесть рядом с ним на каменный заборчик. Я немедленно воспользовался приглашением, и мы оказались с ним лицом к лицу. Он спросил:

– Ты не видел Алена?

– Нет.

Мы помолчали немного, потом, поднимаясь, он спросил:

– А ты куда?

– Я шел в кафе.

Он подтянул шнурки на своих изношенных башмаках, поставив ноги на заборчик, и предложил:

– Давай спустимся на пляж.

Я согласился безо всяких колебаний. Мы перешли железную дорогу и спустились к маленькому кафе, битком набитому хиппи. Там мы увидели Алена, сидящего с какой-то девушкой. Он сидел спиной к нам и лицом к ней. Жорж на мгновение остановился, в раздумье склонив голову, а потом сказал:

– Как ты думаешь, может, подойдем и сядем с ними?

Я сказал:

– А почему бы и нет? Может быть, у этой девушки найдется еще пара подружек.

Мы подтащили два стула и устроились рядом с Аденом и девушкой. Ален сказал, что она англичанка. Мы познакомились с ней и заказали две бутылки «кока-колы». Жорж заговорил с Аденом, а я погрузился в молчание, рассеянно глядя на пустые стулья. Из глубины кафе доносился какой-то шум. Быстрая испанская речь. Голоса звучали громко, будто кто-то спорил между собой или заключал пари перед боем быков. Перед кафе был книжный магазин. Мне пришла в голову мысль пойти посмотреть на книги, выставленные в витрине. Не попрощавшись, я вышел из кафе, подошел к витрине и стал разглядывать книги. Какие-то незнакомые имена писателей. Книги на испанском и на английском, и ничего больше. Я продолжал разглядывать книги, надеясь отыскать хоть что-нибудь по-французски. Впрочем, даже если бы там и была такая книга, я все равно не смог бы купить ее. У меня не было ни денег, ни времени для чтения. Прошагав улицу из конца в конец, я вернулся в кафе. Усталый, сел, ни слова ни говоря. Жорж по-прежнему владел обстановкой, он разговаривал по-французски с девушкой, которая не просто не говорила на этом языке, но и слова не знала по-французски. Жорж, повернувшись ко мне, спросил:

– Ты сечешь по-английски?

– Немного.

– Тогда попереводи нам.

Я стал выполнять роль переводчика, а девушка, внимательно вслушиваясь в мою речь, стала с интересом разглядывать мои черные растрепанные волосы. Она не обращала никакого внимания на то, что говорил Жорж. Слушая его, она смотрела на меня, так я понял, что она слышит только его комплименты, он тоже понял это и сказал мне: «Она хочет тебя». Я улыбнулся и продолжал пытаться переводить отдельные фразы с французского на английский и с английского на французский. Наконец, мне это порядком наскучило, и я стал напрямую говорить с ней. Она подняла руку и, смеясь, стала выискивать седые волосы у меня на голове. Повернувшись к Жоржу, она сказала: «Да он старик!» Но тот ничего не понял и спросил меня,

¹ Имеется в виду Гибралтарский пролив, отделяющий Марокко от Испании.

что она сказала, я перевел ему и продолжал говорить с ней. Она сказала, что приглашает всех нас на танец, я перевел им это, и они согласились. Мы заранее поблагодарили ее. После этого она встала и отправилась куда-то по своим делам. Остановившись у витрины книжного магазина, она спросила:

– Где встретимся?

Мы ответили:

– В «Пейпарзе».

Ален сказал, что она – красивая и богатая, заводная, сама заговорила с ним первая, а Жорж прибавил, глядя на меня:

– Ну что ж, придется потрясти ее.

Я сказал:

– А я не согласен... Видно, что она добрая и не заслуживает такого обращения.

Жорж тут же запротестовал:

– Значит, ты нам не подходишь. Что, по-твоему, мы будем есть, на какие шиши будем ходить на танцы и сидеть в кафе? Она богатая и заслуживает того. Все богачи заслуживают того, чтобы их обворовывали. Можешь приглашать ее на танец, а уж я-то займусь содержимым ее сумочки, когда она надерется.

Ален сказал:

– Уведем ее на пляж и побалуемся с ней по очереди.

Жорж прибавил:

– Мы ей вставим спереди, а араб – сам знаешь откуда.

Я сказал Жоржу:

– Эй ты, поосторожней, ты что, держишь меня за круглого идиота! Я сказал, она – добрая девушка и не заслуживает этого.

Ален сказал:

– Ты и есть полный идиот. А что, по-твоему, делают арабы, те, которые в Париже?

Я разозлился и вскочил. Подошел к витрине и снова стал вглядываться в названия книг. Я услышал, как Жорж окликнул меня. Но я не обернулся, и тут почувствовал, как чья-то ладонь легла мне на плечо. Я обернулся, это был Жорж. Он сказал, смеясь:

– Ты что, разозлился? Но мы же просто пошутили.

Он взял меня за руку и привел туда, где сидел Ален. Тот тоже сказал, что пошутил и совсем не хотел обидеть меня. На руке у Жоржа была татуировка. Я спросил его о ней, он сказал, что сделал ее себе в тюрьме, поскольку два года просидел в одной парижской каталажке. Я спросил Жоржа:

– За что ты попал в тюрьму?

– За кражу. Я разбогател и имел две дискотеки. Роскошные машины, много женщин. Но такие, вроде этих, – он указал на Алена, – портят все, что человек может построить, благодаря своей ловкости, за всю свою жизнь.

Короче, он совершил налет вместе с одной воровской шайкой. А когда кончился срок его заключения и у него отросли волосы, он отправился в Касабланку и занялся контрабандой наркотиков, но не преуспел в этом деле. Там он встретил Алена, который слишком много болтает. Жорж сказал: «Мой самый заклятый враг – это полиция. Когда я раздобуду себе „пушку“, то убью одного-двух полицейских. Страховая компания заплатит за них». Потом прибавил раздраженно, указывая на какого-то мужчину: «Посмотри, к примеру, на этого типа. У него типичная рожа полицейского. Приглядишься, какой у него дурацкий вид».

Мы ничего не сказали в ответ на его слова.

Я посмотрел на Алена и опросил:

– Заплатишь за «коку»?

Он сунул руку в карман, достал монету и сказал:

– Хорошо, заплачу. У меня почти ничего не осталось. Скажи, у тебя есть обратный билет?

– Да, в отеле.

– Может, отдашь его мне, а я поеду в Себту², продам там вот это золотое кольцо или обменяю его на анашу.

– Я и сам могу сделать это. Но вещь это ненадежная. Ну, сколько анаши ты привезешь?

– Двадцать кило.

– А пограничники?

– Плевать. Я проеду через Себту-Тарифу. Там полно лодок специально для этого, они перевозят всякую контрабанду, даже оружие. Ты должен знать, что мы разбогатеем, только, конечно, если ты мне дашь свой обратный билет. Одна, всего одна сигарета с анашой стоит целых пятьдесят песето!

Я повернулся к Жоржу, считая его большим знатоком в этом деле. Он равнодушно взглянул на меня, а потом сказал, посмеиваясь над своим другом:

– Да он никогда не занимался этим, даже, когда у нас было полно денег в Танжере³. Не обращай внимания на его треп. Я изучил этот план со всех сторон, но до сих пор он не привел ни к какому результату.

Он повернулся к Алену и сказал:

– Ты хочешь поступить так, как тот кретин американец, которого схватили в аэропорту ан-Нуасер в Касабланке. Он додумался своей башкой до того, что оплатил перевес багажа за свои чемоданы, битком набитые травкой, будто это может сбить с толку таможенников, и они не станут рыться в его багаже. Подобные дела так просто не кончаются, как ты себе здесь представляешь.

Ален промолчал в ответ на слова Жоржа. Он полностью доверял ему. Тот был настоящим профи по кражам. Даже я позже стал называть его «шеф». Он был настоящим шефом. Он покидал нас с пустыми карманами. А когда приглашал поесть и выпить, то карманы его просто лопались от денег. Когда я спрашивал его, откуда, он хладнокровно отвечал:

– Пустяки. Одна девушка, с которой я познакомился в Амстердаме и т. п.

Или:

– Пустяки, тут есть одна девушка, которая знакома с моей двоюродной сестрой. Они встретились с ней в прошлом году в Венеции...

Или:

– Пустяки, я встретился здесь с одной девушкой, сказал ей то-то и то-то, и она дала мне эти деньги.

Так я узнал, что он умеет собирать и доставать деньги. И поверил в то, что он действительно был владельцем двух дискотек и имел машины и женщин, у него была потрясающая способность выжимать из людей деньги. Он был как птицы, которые вылетают из гнезда с пустым клювом, чтобы вернуться обратно с полным. Так и в его карманах сначала бывало пусто. Но как дно бассейна заполняют разные монетки, так и мы с необычайной скоростью вдруг становились богатыми и шли занимать себе места в каком-нибудь вполне приличном ресторане. Жорж всегда молчал. Он не любил болтать. Он вглядывался в предметы, камни, людей, – во все, пронизательно и молчаливо. Невозможно было угадать, о чем он думает. Ален был его полной противоположностью. Он без конца трещал, трепался, строил планы и воздушные замки. Любой легкий ветерок разрушал эти бумажные дворцы, но он упорно продолжал мечтать, совершенно не обращая внимания на свои предыдущие промахи. Он все строил заново, и опять все рушилось. Несчетные дворцы и замки, разного строения, размера и формы. Но в реальности они не существовали (со мной иногда тоже происходит нечто подобное – я строю что-нибудь в меч-

² Себта (Сеута) – небольшой полуанклав Испании на северном побережье Африки, прямо напротив Гибралтара.

³ Танжер – город на севере Марокко

тах и почти никогда не заканчиваю – строю и не смотрю даже на то, как разрушается то, что я построил, и все продолжаю строить – «дворцов» этих становится все больше, они растут и ширятся – в них множится число придворных и слуг, жизнь там становится все разнообразнее – но когда все разрушается, я тоже разрушаюсь вместе с этим – но, не принимая во внимание предыдущее, я снова начинаю, чтобы опять потерпеть крах – вместе с разрушением бумажных дворцов – в отличие от меня – Ален все строит и упорно продолжает предаваться мечтам – он перестраивает, строит заново – постройка обрушивается, но нерушимым остается Ален – он продолжает стоять и строить заново, как одержимый – поэтому я считаю его менее зрелым, чем я сам – кто знает? Может быть, я не был зрелым).

Жорж всегда молчал. Размышлял всегда молча, и никто не мог угадать, о чем он думает. Также молча он выслушивал других, а потом коротко комментировал: «Какая подлость!», или «Вот здорово!», или «Какой дурак!». В своих комментариях он был немногословен и не объяснял, почему или как произошло это. Он втискивал всю свою речь в эти немногочисленные простые слова, а в минуты возбуждения обычно доставал сигарету без фильтра и закуривал с величайшим спокойствием без тени напряжения. Ален же без конца говорил и все выбалтывал. К примеру, я ничего не знал о Жорже, кроме того, что он – вор и два года сидел в тюрьме в Париже. А вот Ален говорил обо всем – о том, что было и чего не было – подкрепляя свои слова несколькими фотографиями на паспорт, которые вытаскивал из кармана. Жорж молча взирал на все это, кривился, цедил сквозь зубы: «Какой дурак!», вынимал сигарету без фильтра, чаще всего «Салтас» и закуривал ее с величайшим спокойствием, которое впечатляло тех, кто видел его. Иногда Ален говорил о себе, что он уже на самом пороге мечты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.